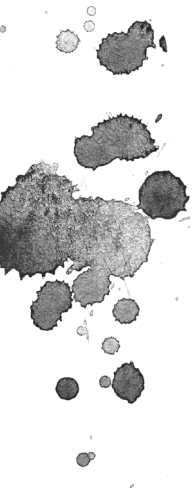

*Посвящается Ширли,
с любовью и благодарностью*

Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег,
Ты окончил путь земной
И обрел покой навек.
Дева с пламенем в очах
Или трубочист — все прах.*

Уильям Шекспир
«Цимбелин», действие IV, сцена II

* Перевод П. Мелковой.

Пролог

Если вы хоть немного похожи на меня, вам по вкусу разложение. Приятно предаваться размышлениям о том, что именно гниение и распад заставляют мир вращаться.

Например, когда где-то в лесу падает древний дуб, его почти сразу начинают поглощать невидимые хищники. Высокоспециализированные орды бактерий осаждают свою цель с методичностью армии варваров, атакующей вражескую крепость. Миссия первой волны — разложить белковые структуры павшей древесины до аммиака, с которым легко управится вторая волна, превращая пахучий аммиак в нитриты. Последняя волна агрессоров окисляет нитриты до нитратов, необходимых для удобрения почвы и, как следствие, произрастания новых дубовых саженцев.

Благодаря чуду химии микроскопические формы жизни разлагают колосс до самых основ. Леса рождаются и умирают, приходят и уходят, словно кружащийся пенни, который подбросили в воздух: орел... решка... жизнь... смерть... жизнь... смерть... и так далее от сотворения мира до конца времен.

Это просто поразительно, если вас интересует мое мнение.

АЛАН БРЭДЛИ

Оставленные на милость земли человеческие тела подвергаются такому же самому трехступенчатому процессу: плоть — аммиак — нитриты.

Но когда труп плотно пеленают в вымазанный землей флаг, засовывают в трубу камина и оставляют там на веки вечные обугливаться и мумифицироваться жаром и дымом — что ж, это совершенно другая история.

— **И**знана! — прорычал порыв мощного ветра мне прямо в лицо.
— Иззнана! — ревели безумные волны, окатывая меня ледяной водой.

— Иззнана! — завывали они. — Иззнана!

В английском языке нет более печального слова. Сам его звук напоминает лязгание железных врат, которые захлопываются за вашей спиной; звук задвигающихся стальных запоров, от него волосы встают дыбом, правда же?

— Иззнана!

Я прокричала это слово навстречу бешеному ветру, и ветер плюнул мне его обратно в лицо.

— Иззнана!

Я стояла на вздымающемся носу королевского почтового судна «Синтия», широко раскрыв рот в надежде, что соленая влага смоет неприятный привкус — привкус жизни, которая отныне ждет меня.

Где-то в тысяче миль к востоку остались деревушка Бишоп-Лейси и Букшоу, мой прежний дом, где в этот самый момент мой отец, полковник Хэвиленд де Люс, и мои сестрицы Офелия и Дафна, скорее всего, преспокойно занимаются своими делами, как будто меня никогда и не было.

Они уже забыли меня. Я в этом уверена.

Только преданные слуги, Доггер и миссис Мюллер, украдкой уронят слезу по поводу моего отъезда, но и у них со временем останутся лишь смутные воспоминания о Флавии.

Здесь же, посреди бушующей Атлантики, нос «Синтии» задирался выше... выше... все выше над морем, устремляясь к небу, а затем обрушивался в волны с жутким гулким рокотом, и бурлящая вода двумя белыми крыльями обтекала борта корабля. Все равно что ехать без седла верхом на огромном стальном гонце, плывущем брассом.

Хотя было еще начало сентября, море бушевало. Нас краем задел тропический шторм, и теперь, два дня спустя, швыряло, словно выдернутую из бутылки пробку.

Все, за исключением капитана и меня, — по крайней мере, никого больше не было видно, — укрылись в своих каютах, так что единственными звуками, которые можно было слышать, передвигаясь по качающимся под ногами коридорам в столовую, были стон измученной стали и тошнотворные звуки множества опустошаемых желудков по обе стороны прохода. С учетом того, что пассажиров на борту было почти девять сотен, впечатление было ужасающее.

А мне, похоже, повезло обладать природным иммунитетом против укачивания в море: полагаю, это наследие моих предков — морских путешественников вроде Таддеуса де Люса, который во времена Трафальгарской битвы был всего лишь мальчишкой, но рассказывали, что ему довелось принести лимонад умирающему адмиралу Нельсону и поддержать его холодную влажную руку.

Последними словами Нельсона, кстати, были не широко известные «Поцелуй меня, Харди» в адрес капитана «Виктории» Томаса Харди, а вообще-то: «Пить, пить... об-

сэндвич с пеплом и фазаном

махните меня, обмахните... протрите руки...», которые адмирал лихорадочно шептал изумленному юному Таddeусу, который хоть и ударился в слезы при виде смертельно раненного героя, но делал все возможное, дабы помочь великому человеку.

Ветер раздувал мне волосы и пытался сорвать с меня осеннее пальто. Я как можно глубже вдохнула соленый воздух, подставляя лицо каплям воды.

Чья-то рука грубо схватила меня за плечо.

— Что, черт возьми, ты тут делаешь?

Удивившись, я резко повернулась и попыталась высвободиться.

Разумеется, это был Райерсон Рейнсмит.

— Что, черт возьми, ты тут делаешь? — повторил он.

Этот человек — из тех людей, которые думают, что задавать каждый вопрос по два раза — секрет успеха.

Лучший способ с ними управляться — не отвечать.

— Я тебя везде ищу. Дорси вне себя от беспокойства.

Значит ли это, что теперь их две? — хотелось спросить мне, но я сдержалась.

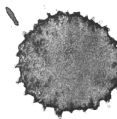
Дорси — то еще имечко, так что ничего удивительного, что он называл ее Додо — по крайней мере, когда считал, что они находятся наедине.

— Мы боялись, что ты свалилась за борт. Немедленно вниз. Отправляйся в свою каюту и переоденься в сухое. Ты похожа на мокрую крысу.

Вот оно. Последняя капля.

«Райерсон Рейнсмит, — подумала я, — твои дни — да что там дни, часы — сочтены».

Я пойду к молодому милему корабельному доктору, с которым познакомилась позавчера за ужином. Под предлогом расстройства желудка выпрошу бутылочку двууглекислой

соды. Хорошая порция этой штуки — я улыбнулась слову «хорошая», — добавленная в неизменную бутылку шампанского Рейнсмита, сделает все, что надо.

Если принять ее на полный желудок — о последнем не стоит беспокоиться, когда дело касается Райерсона Рейнсмита! — двууглекислая сода в сочетании с шипучим алкоголем может оказаться смертельной: сначала головная боль, которая будет усиливаться с каждой минутой, потом спутанность мыслей и сильная боль в животе; следом мышечная слабость, слабый стул в форме кофейных зерен, дрожь, судороги — классические симптомы алкалоза. Я уговарю его выйти на палубу подышать свежим воздухом. Гипервентиляция легких ускорит процесс — это все равно что плеснуть бензина в костер.

Если мне удастся повысить рН его артериальной крови до 7,65, ему крышка. Умрет в мучениях.

— Иду, — угрюмо сказала я и поплелась следом за ним по качающейся палубе со скоростью сонной улитки.

Трудно поверить, что меня доверили этому отвратительному типу. Однако вполне понятно, как это случилось.

Все началось после несчастья с моей матерью Харриет. Десять лет она считалась пропавшей в горах Тибета, а недавно вернулась в Букшоу при таких жутких обстоятельствах, что мой мозг до сих пор отказывался думать о них дольше нескольких секунд подряд; еще чуть-чуть — и мой внутренний цензор прерывает нить памяти с такой же легкостью, как Атропос, ужасная старшая сестра Мойр*, перерезает нить жизни, когда приходит время умереть.

* Атропос (или Атропа, или Айса) — одна из трех сестер-богинь судьбы в греческой мифологии. — Прим. ред.

Развязкой всей этой истории стала моя ссылка в женскую академию мисс Бодикот, канадскую школу, где училась Харриет и где меня должны подготовить для какой-то старинной наследственной роли, о которой я до сих пор остаюсь в неведении.

«Тебе просто надо будет найти свой способ узнать, — сказала мне тетушка Фелисити. — Но со временем ты поймешь, что долг — лучший и мудрейший из учителей».

Я не вполне поняла, что она имеет в виду, но поскольку моя тетушка занимает довольно высокое положение в этом непонятно чем, спорить с ней не стоило.

«Это что-то вроде «Фирмы», верно? — спросила я. — Как называет себя королевская семья?»

«Что-то вроде, — ответила тетушка Фелисити, — но с той разницей, что члены королевской семьи могут отречься. А мы — нет».

Именно по настоянию тетушки Фелисити меня упаковали, словно сверток тряпья, и швырнули на судно, идущее в Канаду.

Конечно, возникли возражения по поводу того, что я поеду одна, особенно против были викарий и его жена. Потом ходили разговоры о том, чтобы отправить со мной в трансатлантическое путешествие Фели и ее жениха Дитера Шранца, но эту идею отбросили не только из-за неприличия, но и потому что положение Фели, органистки Святого Танкреда, считалось чрезвычайно важным.

Тогда свою кандидатуру предложила Синтия Ричардсон, жена викария. Хотя у нас с Синтией бывали взлеты и падения в отношениях, недавно мы стали близкими подругами — неожиданный поворот, в который я до конца не могу поверить. Без общества мужа Синтия светилась радостью, будто снова стала молодой девушкой. Викарий при-

АЛАН БРЭДЛИ

Особая благодарность Майе Паавилайнен, главному редактору Bazaar Kustannus Oy в Хельсинки, за приглашение посетить этот прекрасный город и Вилье Перттола за своевременную доставку меня во все места, несмотря на безумное расписание.

И наконец, как всегда, спасибо моей жене Ширли, чья любовь придает смысл моей жизни.

Остров Мэн, 28 июня 2014 года

